

Полдень мастера Дмитрия Бисти

ОДНАЖДЫ мне поручили подготовить очерк о Дмитрии Спиридоновиче Бисти. Конечно, как каждый человек, любящий книгу и книжную иллюстрацию, была знакома с его творчеством. Но оказалась совершенно растерянной, когда начала писать о нем. Что было мне сказать? Уже тогда художник был известен настолько, что в печати его имя стало синонимом произведений высочайшего класса, публицистики в графике, в книжной иллюстрации. Но, казалось, его графика книгу вовсе не иллюстрирует. Вернее, не иллюстрирует в том общепринятом понимании, когда рисунок идет как бы след за текстом или же рядом с ним. Иллюстрация Бисти текста не адаптирует, но как бы повертывает его одной, другой стороной, порой самым неожиданным образом улавливая скрытый смысл, раскрывают то главное, ради чего создавалось литературное произведение... Привыкнув к часто вполне прямолинейному переводу литературного образа на язык пластики, писать тогда о Бисти было трудно. Его произведения — не украшения в книге. Но без них теперь трудно представить себе «Илиаду» и «Одиссею», новеллы Акутагавы и Мериме, поэмы Маяковского, Багрицкого, Исаева... Творчество Бисти заставляет думать, трудиться душу читателя, воспринимающего текст и гравюру в книге как единое целое. Книгу — как общее произведение писателя, художника, полиграфиста...

...Мастерская Бисти просторна, как мастерская живописца. Ксилография и офорт — старые техники, в которых художники работают так давно, что обогнали на века историю книгопечатания. Гравюры и офорты сопровождали и рукописные книги. Не случайно, скажем, «Слово о полку Игореве» как бы не поддается другим способам иллюстрирования.

Эти долгодельные, многотрудные техники — для Бисти любимые. Им он не изменяет на протяжении всего своего творческого пути — и, кажется, даже тогда, когда, оформляя книги, использовал гуашь, — по-прежнему графичен, как бы «гравирован» рисунок, строгий, изящный линии. Такое постоянство — результат настойчивого поиска, отмеченного многими наградами. Одна из последних — очень почетная награда для художника книги: международная премия Гутенберга 1985 года за большой вклад в развитие книгоиздательского дела.

Как многие художники, Дмитрий Спиридонович сам отлично пишет. Великолепно рассказывает. На лекции Бисти — доцента Полиграфического института — приезжают студенты со всей Москвы. Лекции-спектакли, лекции-концерты? В том-то и дело, что нет. «Нравственность в искусстве» — сама тема слишком серьезна для «театрализованного» разговора. Глубина мысли, пристрастное отношение к книжной графике, к труду художника, его высоким целям, задачам делают лекции притягательными для слушателей. Хорошо бы у всех нас, пишущих об искусстве, создающих его произведения, были в жизни такие учителя...

— У меня прекрасные были учителя, — вспоминает Бисти. — Самый первый — ближайший друг отца, Михаил Павлович Крошицкий, директор Севастопольской картинной галереи, художник. Перед этим он работал главным художником издательства в Воронеже. Он рассказал мне о том, как создаются и воспроизводятся иллюстрации, показал клишэ... Вообще же в нашей семье к книге относились с большим уважением, особенно к иллюстрированной книге — произведению искусства. Яркое впечатление детства — книги с иллюстрациями Доре — «Дон Кихот», Диккенс... До сих пор это мои любимые книги. Еще одно яркое детское впечатление — типография в Севастополе. Мимо нее я проходил по дороге в школу. В открытые окна были видны типографские машины, слышен их рокот... Думаю, что многое из того, что затем будет определять становление человека, его личности, закладывается с детства, в семье.

Потом, когда мы переехали в Москву и я стал учиться в вечерней школе при училище имени 1905 года, я познакомился с художниками П. В. Митуричем, Дюфи. Мне очень нравилась широта их взглядов, творческих возможностей: они занимались и фресками, и живописью, бли-

стательно рисовали. Тогда же я открыл для себя Фаворского, Гончарова. Пикассо открыл — осмысление творчества которого накапливается годами, Матисса — его декоративность, подход к разработке пространства...

— А затем — полиграфический институт?

— Да. Наш институт дал мне многое. Тогда в нем преподавали питомцы Вхутемаса, которые учили нас системе пространственного рисования, пластического мышления. Учили не только тому, как рисовать, но — мыслить, расковывали нашу инициативу. Это — главное. П. Г. Захаров, А. Д. Гончаров... Они — в большей степени, конечно, Андрей Дмитриевич — мой учитель в искусстве...

— Но, как известно, в искусстве не может быть одного учителя...

— Художник учится до конца дней. Бесконечная учеба — в музее ли, перед полотнами великих мастеров, у жизни, у литературы. Учеба, заметьте, а не тренинг. Если художник не делает ежедневных для себя открытий — немедленно останавливается. Надо, необходимо идти вперед — надо многое знать не на память, но знать предметный мир широко. Этому учил нас Андрей Гончаров... — Какие книги наиболее дороги вам?

Д. БИСТИ. Из иллюстраций к «Слову о полку Игореве».

— Сакраментальный вопрос. Трудно об этом говорить. Что значит — дороги? Каждая книга — кусок жизни... Странные вещи происходят со мной: сдал книгу, взялся за новую, как за самую первую книгу. Это только потом, в процессе проб и набросков, начинаешь нащупывать идеи, включается опыт, знание — и активно! — но главная роль принадлежит, конечно, мировоззренческой, гражданской позиции, отношению к литературе, жизни — об этом я говорю своим студентам и на лекциях. Художник не может быть вне общества, вне процессов жизни...

— Что определяет для вас — будете вы иллюстрировать ту или иную книгу или нет? Что главное?

— Главное... Пожалуй, тот момент, есть ли в книге героика. В том смысле, есть ли в книге накал страстей, борьба, сильные характеры, глубокий психологизм, боль за человека? Работая над иллюстрацией, я всегда пытаюсь обнажить ту авторскую идею, ради чего написана книга, помочь читателю глубже осознать концепцию писателя, оценить гражданский пафос его произведения... Считаю, что художник книги — комментатор текста, иногда даже — соавтор писателя, соучастник творческого процесса, а не наблюдатель, пусть даже и очень внимательный. Насколько мне это удается... Об этом трудно говорить. Иногда знаешь заранее: это вот «обречено на удачу», а это... Сейчас работаю над «Словом о полку Игореве», добрался уже до середины... — В начале века замечательный свод легенд о короле Ар-

туре, имеющий то же значение в английском эпосе, что и «Слово...» в русском, иллюстрировал Обри Бердсли. Он сделал эту работу, и сожалению, декоративно, хотя эстетика ее своего значения не потеряла до сих пор. Но только эстетика. В чем вы видите свою задачу художника-иллюстратора «Слова...»?

— Задача иллюстратора не одна только эстетическая, но и задача нравственная. «Слово...» — книга «живая», а не мертвый памятник, о котором вспоминают в день его очередного юбилея. Это та книга, которую надо читать. Сегодняшнее чтение для молодых — русская историческая книга о любви, верности, о родине и воинском долге. Конечно, «Слово...» и необыкновенно трудная книга. С одной стороны — автор мыслит широко, поистине вселенски. С другой стороны — отдаленность от нас, современных читателей, времени, эпохи. «Слово...» многомерно: в нем тесно переплелись трагическое, героическое, лирическое начало. Отсюда — новое для меня пластическое решение в иллюстрации — тонкая гравюра — черно-белая с вариациями... В работе же над «Хождением за три моря» Афанасия Никитина (книга выйдет в издательстве «Радуга») — ушел от тонального офорта. Ищу здесь новое, которое диктуется образным строем литературного произведения.

— Героическая тема... Значит ли это, что вы сами выбираете книги, инициатива иллюстрирования того или иного произведения исходит от вас?

— Нет. Темы сами находят меня. Никогда не делал иллюстраций по собственному предложению, только по заказам издательства. Вот сейчас, например, работаю над книгой стихов Л. Букиной. Это — ее первая книга... Вообще же, читая ту или иную книгу, всегда ловлю себя на том, что для меня, художника, главное в ней, какой бы я использовал ключ к пластическому воплощению идеи автора и его произведения. Вот, например, книга Э. Вавериса «Сажайте розы в проклятую землю». Какая главная графическая задача? Создать мемориал жертвам войны, героическим защитникам мира и свободы... Очень много линий в поэме Маяковского «Владимир Ильич Ленин». Но героика — ключ...

— Широко известна и ваша, Дмитрий Спиридонович, деятельность по пропаганде изобразительного искусства. Здесь ваша аудитория огромна, гораздо больше, чем студенческая или аудитория периодической печати — я имею в виду вашу передачу на ТВ.

— Считаю это не только «сменной рода деятельностью» для разрядки, отдыха, а серьезной работой. Мне кажется, пропаганда изобразительного искусства у нас ведется пока слабо или недостаточно. Для того чтобы понять творчество художника — мало просто пойти на выставку. Поэтому своим долгом считаю рассказать телезрителям о той части жизни художника, которая стоит как бы за картиной, о поисках, предшествующих созданию произведения. Надо пропагандировать, если хотите — рекламировать! — лучшие произведения изобразительного искусства. Конечно, есть альбомы, есть выставки... Этого мало. Советское изобразительное искусство заслуживает большой, всенародной аудитории. Широкое признание — высокая честь. Многие наши художники достойны этого! Дмитрию Спиридоновичу Бисти — шестьдесят. Время не стоит на месте. Но это — полдень мастера, сделавшего так много для нашей советской книги, графики, изобразительного искусства. Лауреат Государственной премии СССР, народный художник РСФСР, член-корреспондент Академии художеств СССР. Поистине широкое признание — высокая честь. Признание, которое оправдывается каждой новой книгой, каждым днем творческой, напряженной работы.

Беседу вела

Елена ПЛАХОВА

Фото С. ГОЛУБОВА